

ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТИАНСТВО В СВЕТЕ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДИАЛОГА

В последнее время весьма актуальной, на наш взгляд, является встреча теории фольклора и философии диалога, где философия (в частности феноменология диалога) проявляется в качестве одного из возможных языков описания и осмысления фольклорного процесса в целом. Под **фольклорным процессом** мы понимаем *постоянный диалог фольклорных единиц и фольклора в целом с внешней средой (действительностью, текстами, сознанием), приводящий к непрерывному процессу активизации народного сознания в рамках актуальной культурно-религиозной парадигмы и проекции ментальных структур на ось жанров и жанровых форм.*

Напомним, что суть концепции диалога заключается в наличии некоего единства, единства истины, которое может проявиться только в общении многих. И наоборот, только в таком первоначальном и всеобщем общении многих может осуществляться единственность каждого [2, 39].

Следует также помнить, что сама по себе форма диалога противостоит отождествлению единства и единственности (последняя является основой монологизма) [2, 39]. Диалог также несовместим с двоичными альтернативами и ситуациями выбора: рабство или бунтарство, коллективизм или индивидуализм, язычество или христианство и т. п.

Феноменологический диалог – это прежде всего совместный поиск истины. Истина формирует сознание, направляя усилия на достижение единства. Конечно, можно ограничиться терминами ассимиляция, усвоение или взаимодействие. Однако это, во-первых, искажает суть понимания диалога, так как стирается момент поиска истины, во-вторых, подобные формы не обнажают всей глубины исследуемого процесса. Ибо диалог в данном контексте – это средство поиска соответствия между различными семантическими структурами или, напротив, обнаружения невозможности такого согласования.

Общение между языческой и христианской культурами осуществлялось в ситуации, когда каждая из культур представляла собой закодированную культуру, коды которой необходимо было расшифровать

народному сознанию. В таких условиях невозможно было ни взаимодействие, ни ассимиляция, а именно диалог. Диалог в силу своей философии и феноменологии явился той натуральной, естественной возможностью для сопоставления различных точек зрения по вопросам веры, религии, обрядности и анализа тех разногласий, которые препятствовали полноте осознания, общения. В подтверждение сказанному вспомним формулу М. М. Бахтина: в открытом диалоге наблюдаем триединство сознания, понимания и общения. Участники такого диалога уже не противопоставляют себя друг другу и даже не взаимодействуют, а участвуют в творческом процессе, где общий смысл развивается и меняется.

Диалог язычества и христианства: миф или реальность? Условие или следствие? Быть или не быть?

В пользу реальности говорит сама актуальность проблемы диалога языческой и христианской культур в современной гуманитарной науке. Так, в рамках концепции «осевого времени» в истории мировой культуры исследователь Е. А. Ермолин [3] вслед за И. В. Кондаковым [4] рассматривает Крещение Руси как момент начала диалога языческой доосевой культуры с обладающей осевым потенциалом христианской культурой. В свете осевой теории культуролог утверждает, что первое основное членение истории русской культуры – это ее деление на дохристианскую (языческую) и христианскую. Историк архитектуры С. Д. Сулименко [9] на примере символизации формы завершений русского православного храма изучает архитектуру в сфере диалога культур, который реализуется как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах. Диахронический аспект диалога языческой и христианской культур совершается в национальной сакрализации христианского вероучения через вторичную славянскую мифологизацию, как связь с историческим прошлым православных народов.

Камнем преткновения к осознанию проблемы является непонимание многими, что диалог – это движение встречное, а не сопутствующее. Исходя из этого, глупо отрицать, что язычество и христианство различны. Необходима лишь маленькая оговорка: если мы придерживаемся узкого церковного понимания термина «язычество как всё дохристианское, нехристианское». В таком случае диалогическая концепция М. М. Бахтина подсказывает, что чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее. А в «Семносфере» Ю. М. Лотман подразумевает различие между культурами именно как условие общения [6]. В другой своей работе «Культура и взрыв» Ю. М. Лотман отмечает, что суть диалога заключается в соотношении двух культур, допускающих одновременное пересечение противоборствующих тенденций [5].

Если же вслед за Б. А. Рыбаковым [8] помнить об условности термина «язычество», то отпадет необходимость в принципе обособлять и вычленять христианство из общей системы древних религиозных представлений. Тогда христианство – вообще не антитеза язычеству, и на первый план выходит иная особенность феноменологического диалога: наличие общей точки

пересечения. В. М. Межуев в книге «Идея культуры» [7] утверждает, что главной предпосылкой к вступлению в диалогические отношения является формирование общих элементов в культурах. Таким общим элементом для начала диалогических отношений является мотив чудесного в белорусском и русском фольклоре.

Диалог культур осуществляется в единстве двух взаимодополняющих процессов: 1) осознание себя как культурной единицы, что предполагает самоопределение, самоидентификацию и самоограничение себя от других культур; 2) стремление к взаимодействию с другими культурами. Для этого необходимо осознание культурной мысли, что внутреннее развитие культуры не может осуществляться без постоянного притока информации извне. В контексте исследуемой нами проблемы данное суждение приобретает значимость: рассматривая христианское и языческое как субъекты диалога в категориях сосуществования и взаимодействия, обнаруживаем моменты диалоговой ситуации. Христианство и язычество объединяет вера в существование сверхъестественных сил и стремление верующих снискать их расположение. Это предполагает гибкость хода естественных событий и возможность его изменения с помощью умилостивления сил, направляющих и контролирующих ход природных явлений человеческой жизни. В складывающейся ситуации языческий пласт культуры с его общечеловеческими корнями является межкультурным языком общения. Это не перевод с языка одной культуры на другой, а универсальный язык. Терпимость к язычеству и магическим пережиткам делает возможным диалог культур, а характерное встраивание исходных компонентов языческих религий в макросистему христианства без утраты ими своего содержания создает предпосылку для возникновения диалоговой ситуации.

М. М. Бахтин, а затем В. С. Библер убедительно показали, что диалог может происходить не только между разными социальными субъектами, он идет и внутри каждого социального субъекта, в том числе – в сознании каждого отдельного человека, где присутствуют две разных позиции сознания [1]. «Другое» сознание возникает в процессе освоения норм культуры, в результате которого часть из них становится «моими», частицей моего «Я», часть же – не принимается, отвергается и закрепляется в сознании как «чужое». Так, феномен двоеверия трактуется как мировоззрение раздвоенного сознания средневековых русичей, обусловленное тем, что язычество и христианство воплощали два разных культурно-религиозных типа, не связанных между собой преемственно. Однако со временем они постепенно наслаиваются друг на друга, и в процессе этого наслоения, с одной стороны, язычество получает стимул к дальнейшему развитию, а с другой – христианство низводится до уровня языческих понятий и преданий.

Приведенные доказательства реальности проблемы диалога язычества и христианства с отсылками к научным авторитетам несомненно свидетельствует о дискуссионном характере проблемы. Позволю себе поставить точку, предварительно дав ответ на заявленный ранее вопрос: БЫТЬ!

ЛИТЕРАТУРА

1. Библер, В. С. Идея культуры в работах Бахтина / В. С. Библер // Одиссей. – 1989. – № 1. – С. 21 – 59.
2. Гиршман, М. М. Литературное произведение : Теория художественной целостности (Коммуникативные стратегии культуры) / М. М. Гиршман. – М., 2007. – 560 с.
3. Ермолин, Е. А. Русская культура : Персоналистская парадигма образовательного процесса / Е. А. Ермолин. – М., 2005.
4. Кондаков, И. В. Введение в историю русской культуры / И. В. Кондаков. – М., 1997.
5. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М. : Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. – 272 с.
6. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство. – СПб, 2000. – 704 с.
7. Межуев, В. М. Идея культуры: очерки по философии культуры / В. М. Межуев. – М., 2006.
8. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – 559 с.
9. Сулименко, С. Д. Архитектура и диалог культур / С. Д. Сулименко. [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : <http://www.raai.sfedu.ru/> - Дата доступа : 23.03.2014.